

Автор: Власенко И. (Россия)

«Театр уж полон...»

□ (А.С. Пушкин)

ЗАНАВЕС ПРИОТКРЫВАЕТСЯ...

Однажды в моём доме сквозь привычные звуки быта проступили приглушённые звуки бытия:

- Что пишешь?

- Пьесу...почти про нас с тобой.

- Не интересно.

- Почему?

- Мне интересно читать что-то, что дает ответы на вопросы. А на кой мне читать про себя, если в моей жизни одни вопросы... без ответов.

- Это кажущееся. У тебя ответов больше, чем у большинства населения планеты. Ты – элита человечества.

- Или вселенной?

- Или вселенной. Ручаться не могу.

- Если я начну так считать, ты первый назовешь меня снобом.

- Глупости. Это не эмоции, а элементарная арифметика. К сожалению, я не помню точных цифр, но если у человека есть жилье – он входит в 70 процентов землян; если есть работа – в 50 процентов.... Далее следует уровень достатка, автомобиль, возможность перемещаться по миру... последнее – компьютер. Если все это имеется в наличии даже плохонького качества, – тыходишь в 1 процент землян.

- С ума сойти. А орден мне за это дадут?

- Нет. Ордена на нашей планете дают в основном за уничтожение нескольких тысяч

человек, входящих в низовые подгруппы населения. А лучше – нескольких миллионов....

- Если я – элита, то почему мне так хреново?

- Быть элитой – это не почетная обязанность, а безграничная ответственность.

- Какой пафос!

- Это не пафос – констатация познанной реальности...

- Ты себе нравишься?

- В каком смысле?

- Во всех смыслах...

- Странно поставлен вопрос, но я, кажется, понимаю, о чем ты.... Нет, не нравлюсь...

Что-то меняется в комнате. Время смещается вперед или назад – на год, два, пять, десять...

Скажите, для Вас это было бы достаточным основанием для того, чтобы оставить всё остальное и увеличить громкость радиоприёмника? Вот именно. Я так и поступила. Но вскоре диалоги прервались, а в структурированном пространстве эфира после просвета явились слова: «Николай Халезин, отрывок из спектакля «Я пришёл». Рекламная пауза...

Обращаюсь к недавно прозвучавшим словам: «... последнее – компьютер. Если все это имеется в наличии даже плохонького качества, – тыходишь в 1 процент землян...». С этого процента всё и началось: «Яndex», название пьесы, автор, скачать. И вот на экране появилась разноцветная стопка книг. Далее распаковка и распечатка. Быстрое прочтение. Неторопливое чтение. Быстрая рассылка близким, в экзистенциальный институт. Неторопливые отклики... Но уже ясно, что пространство раскачивается и наполняется готовностью к со-бытийности. Забвение на месяцы (возможно даже на девять)...

Но услышанный по радио фрагмент уже не давал покоя, пульсировал, требовал ясности, целостности, чтобы в конце концов за-явить о себе: «Я пришёл».

И вот в моём доме желанный отзвук отправленного послания - яркий и молодой голос. Это Вера Дмитренко – необходимый для меня человек, а для официального представления: вице-президент Ассоциации Экзистенциального консультирования:

- Мы будем читать пьесу, в которой главный герой проживает жизнь с момента рождения до момента ухода из жизни. Будут слушатели МИЭК (Международного

Института Экзистенциального Консультирования). Семён Борисович Есельсон (Директор МИЭК) поручил мне провести первую репетицию. Приходите, если Вам интересно.

За окном – февраль. Произнесено слово «репетиция», то есть действие, предполагающее *repetitio* (лат.) «повторение». А это уже движение. И жизнь. Возможно даже... нового экзистенциального театра. Забегая вперёд, скажу о дне премьеры: 22 мая 2007 года. На всякий случай. Как вероятную точку отсчёта. Кстати, день этот знаменателен для людей православных - Память о Николае Чудотворце (перенесение мощей святителя из Мир Ликийских в Бар).

(Вот прямо сейчас, когда я пишу эти строчки, раздаётся трель мобильного телефона, и высвечиваются слова - материализация моих нынешних неотступных мыслей: «Я ПРИШЁЛ». Это ученик, стоя у моей двери, посылает мне сигнал о своем присутствии, а я воспринимаю это как хороший знак для написания внятной статьи).

Необходимое отступление для тех, кто пьесы ещё не читал и спектакля пока не видел

Из газет... Май 2006 года. Главное театральное событие Германии – Берлинский театральный фестиваль, на который из нескольких сот пьес были отобраны шесть. Одна из них – пьеса Николая Халезина «Я пришел», до этого момента получившая 5 призов на различных драматургических конкурсах... Вот некоторые из них: приз телеканала "Культура" "За оригинальность трактовки темы судьбы и самоопределения человека", приз "Радио России" "За гуманизм в творчестве", приз компании "Allianz – РОСНО" "За самую жизнеутверждающую пьесу». Далее последовал перевод пьесы на 5 языков и несколько публикаций в престижных театральных изданиях... Уже начались переговоры с одним из немецких театров о постановке пьесы «Я пришел» в сезоне 2006-2007 г.г.

Ещё из газет... В мае 2007 г. в Московском художественном академическом театре (МХАТ) имени Чехова планируется премьера спектакля "Я пришел" с Леонидом Ярмольником в главной роли. Вначале переговоры о постановке пьесы велись с Олегом Меньшиковым, однако из-за его занятости в киносъёмках реализация театрального проекта могла бы отодвинуться на неопределенный срок. Пьеса поднимает важную тему: "человек ответственен за то, как он проживает свою жизнь".

СЦЕНОГРАФИЯ

Автор даёт описание того, как должна выглядеть сцена. Это семь разноцветных комнат, расположенных по спирали: потолок нижней комнаты является продолжением пола следующей и так далее. Главному герою пьесы Гвидо предстоит пройти их все.

Человек с воображением может представить себе это и догадаться о принципе

следования по известному с детства алгоритму: Каждый Охотник Желает Знать, Где Сидит Фазан – СПЕКТР (от лат. spectrum – видимое, видение) – «совокупность цветных полос, получающихся при прохождении светового луча через преломляющую среду»(1). Это определение необходимо держать наготове как ключ к пониманию авторской идеи (но об этом позднее...) Пока держим ключ.

Таким образом, мы видим, что автор являет себя как мастер пространства и цвета, и мы ещё услышим его как мастера ведения диалога. Конечно, это не случайность, ибо Николай Халезин профессиональный художник и профессиональный журналист. На стыке этих двух искусств рождается третье - ТЕАТР.

Семь букв в названии (я-п-р-и-ш-ё-л), семь комнат, семь героев (по три мужского и женского пола, плюс ангел – существо неземное и нематериальное)... Прозорливый театрал может предположить, что его ждёт спектакль в стилистике moderne начала прошлого века с его условностями, аллегориями и символами, но ошибётся. Спектакль-притча «Я пришёл» - семь вполне реальных жизненных диалогов главного героя с важными для его жизни людьми

Здесь уместно вспомнить второе значение слова СПЕКТР– «совокупность всех значений какой-либо величины, характеризующей систему или процесс»(1). В этом, на мой взгляд, и заключена авторская идея (ключ) – взгляд на жизнь человека в процессе прогрессивных перемен (от лат. progressus – движение вперёд). Чтобы ещё точнее передать смысл сказанного, обращусь за помощью к Эмми Ван Дорцен: «С точки зрения экзистенциализма, прогресс – это путь к способности жить во времени. Жизнь во времени – это тот способ бытия, когда люди осознают своё неизменное продвижение от рождения к смерти. Этого продвижения нельзя избежать, а значит, неизбежны изменения и трансформация. Таким образом, прогресс есть принятие без озлобления и способность активно управлять процессом собственного старения и трансформации. Прогресс есть осознание собственной способности формировать из данностей прошлого приемлемое настоящее, создавая тем самым новый взгляд на будущее» (курсив мой, И.В.) (2)

«Я пришёл!» - так герой пьесы вступает на «путь к способности жить во времени», сам ещё не зная того, что частично повторяет уже пройденную кем-то дорогу (мать, отец) и прокладывает собственную стезю (Гвидо), подготавливая место для следующего за ним путника (дочь).

Теперь вернёмся к спектру (в первом значении слова). Зачем он в пьесе? Не так ли первоначально-белый световой луч попадает в преломляющую его среду и активно взаимодействует с ней? А благодаря этому со-единению, со-действию, со-творчеству, является чудо: спектр как многоцветное полотно жизни, подобное тому, какое ткали раньше женщины в деревне и называли ласково «дорожка».

ПРОГРАММКА В ФОЙЕ ТЕАТРА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ
(Благородные подмостки психологического факультета РГУ)

Премьера: □ Николай Халезин «Я пришёл»

22 мая 2007

Действующие лица и исполнители:

1. Гвидо (мужчина лет сорока) Александр Яланский
2. Ангел (просто ангел)..... Анна □ Кондратова
3. Мама..... Ирина Власенко
4. Франк (друг)..... Алексей Большанин
5. Доминик (любимая)..... Вера Дмитренко
6. Папа Семён Есельсон
7. Мария (дочь)..... Ольга Енина

ДЕЙСТВИЕ НА СЦЕНЕ

Пора признаться... Конечно же, не было никакой сцены (был лекционный зал в помещении психологического факультета РГУ), не было сложных декораций (у доски полукругом стояли стулья, с наброшенными на них разноцветными драпировками), не было специальных световых эффектов (разве что солнечный луч по своей воле высвечивал, что ему вздумается), не было звукового оформления (только вначале – пронзительная мелодия на флейте, а в середине – из окна - звук проходящего мимо поезда).

Из реквизита была одна распашонка, которую Ангел рассматривал под звуки флейты, а затем вручил её главному герою в знак того, что ему посчастливилось «родиться в рубашке». Однако Гвидо не понял своего счастья, потому что более важным для себя считал наличие хоть каких-нибудь штанов. Но эту деталь одежды он получит во второй, оранжевой, комнате, встретившись там со своей мамой.

В спектакле «Я пришёл» пространство и время закручиваются в тугую спираль, возвращая нас к прошлому из которого прорастает будущее. «Что-то меняется в комнате. Время смещается вперед или назад – на год, два, пять, десять...» - такой ремаркой автор может приостановить затянувшийся или вовсе исчерпавший себя разговор и тут же заставить его продолжаться уже по-другому.

Диалоги матери и сына относятся к разным периодам их жизни... Вот мать в качестве назидания преподносит сыну воспоминание о том времени, когда она и её муж были молодыми. Это немного наивная и трогательная картинка прошлого показательна в том смысле, что с её помощью мать предъявляет сыну часть собственной жизни, которой он не знает. Какие картинки прошлого мы предъявляем своим детям? Действительно ли они нужны им? Какие прячем в тёмных уголках памяти

настолько хорошо, что уже и сами уверены, что этих картинок не было в нашей жизни? Что это за картинки? Что значит их сокрытость для нас самих?.. Автор прерывает предыдущий диалог и начинает новый:

Гвидо. (Резко вставая, глядя прямо на маму) Когда ты умерла, я воспринял это как предательство.

Мама. Гвидо, родители когда-то уходят.... Детям не следует уходить раньше родителей. Наверное, нет ничего страшнее....

Гвидо. А что делать мне?

Мама. Наверное, я виновата в том, что не подготовила тебя....

Гвидо. Да. Ты оставила меня одного....

Мама. Зачем ты так? У тебя есть жена, дочь, друзья....

Гвидо. Это странно. Со мной произошла какая-то трансформация.... В детстве вы с папой мне так надоели своей опекой, что... иногда я желал вам смерти. (Пауза).

Мама. Не расстраивайся, сынок, в детстве это бывает со всеми. Дети, в общем-то, жестокие существа. Им ничего не стоит обидеть человека, или пожелать ему смерти....

Гвидо. Это ужасно.

Мама. Но с возрастом это прошло?

Гвидо. Да, мам, это прошло. Потом мне казалось, что я стал жить абсолютно свободно, но временами ощущал дискомфорт оттого, что мне чего-то не доставало...

Экзистенциальная вина перед матерью – это пожизненное напоминание о том, ради чего живёшь ты сам. В каких отношениях со своей жизнью ты находишься? Когда-то в советское время была проникновенная такая песня в исполнении Марка Бернеса, которая заканчивалась словами: «Я люблю тебя, жизнь, и надеюсь, что это взаимно...» (текст её, наверное, мог бы стать предметом терапевтической группы).

Чтобы не увлечься параллелями с песней и не отойти дальше положенного, нужно сказать, что в пьесе Николая Халезина герой, хоть и родился в рубашке, но дорогой идёт непростой, наполненной рисками и жизненными вызовами, которые он принимает с разной степенью решимости и ответственности за свою жизнь и жизнь близких ему людей.

В наиболее трудные, поворотные моменты жизни он берёт пару бутылок светлого пива и идёт на встречу с другом (совестью, alter ego), напевая по дороге: «Мне известна давно бескорыстная дружба мужская» (нет, нет, шучу: это Марк Бернес ещё

звучит со своей жизнеутверждающей песней).

Диалог главного героя с Франком (другом и писателем) был случайно услышан мной по радио, и теперь находится в самом начале статьи. На этот раз Гвидо приходит нему с сомнениями относительно своих жизненных ценностей и целей. Франк не утешает и не советует, а предлагает разобраться в ситуации трезво (немного светлого пива им не мешает). Но он и поддерживает друга, сообщая о том, что свой кризис среднего возраста уже перешагнул два года назад ...

Гвидо. Жаль.

Франк. Чего жаль?

Гвидо. Жаль, что не сейчас – вместе веселее.

Франк. Спасибо. (Пауза).

Гвидо. Мерзкое чувство: утром хочется убить себя, а вечером – кого-нибудь. (Пауза) У тебя тоже так было?

Франк. Хуже. У меня – только себя.

Спектр интересов друзей широк: от сферы политики и экономики до сокровенных сердечных переживаний. Во время этих дорогих для обоих встреч происходит двуетадийный процесс осознания, понимания себя сквозь призму принятия тебя другим человеком. Есть ли у нас такой необходимый человек? Являемся ли мы необходимым человеком для кого-то?..

В зелёной комнате нашего героя поджидает Доминик – жена и любимая. Новый световой блик - теперь уже сквозь призму интимности. Человеку и самому-то непросто быть в мире с собой, а согласовывать собственный мир с миром другого – это талант. Кому-то он дарован Богом, кому-то (счастливому) – родителями, а большинству талант этот раскапывать нужно кропотливо, изо дня в день – всю жизнь. Оно того стоит. Особенно сейчас, когда в мире остаётся всё меньше непреложных, не подлежащих сомнениям ценностей, когда в обществе культивируются материализм и критическое мышление.

Эмми Ван Дорцен говорит о том, что формальная структура общества помогает «...удерживать каждого участника в предписанных рамках его роли... Когда общественные отношения неформальны, людям нужно подкреплять свою позицию за счёт крепких частных отношений, если они не хотят, чтобы их расплющило, как камбалу, под гнётом хаоса и отчуждения. В отношениях частного мира человек не стремится быть лучше другого, поскольку он идентифицируется с другим. Нет смысла сражаться с тем, что является твоей сущностной составляющей» (курсив мой, И.В).. (3) Этой семье удаётся выстоять при крутых поворотах судьбы. Возможно и потому, что в их жизни есть место чуду, сказке, юмору (когда драматическая ситуация не доводится до

разрушительного финала, а успевает свернуть с наезженной скользкой дорожки):

Доминик. Ты когда-нибудь мне изменял?

Гвидо. Да... до нашей встречи.

Доминик. Конечно, ты не признаешься, даже если изменял.

Гвидо. Сейчас бы уже признался....

Доминик. Не признался бы никогда, даже стоя у моего гроба.

Гвидо. Когда ты прекратишь употреблять слова «смерть», «гроб» и «похороны»?

Доминик. Перестань, ты же понимаешь, что я в хорошем смысле?..

Гвидо. Хоть в каком смысле....

Доминик. Изменял или нет? Признавайся!

Гвидо. Даже лежа в собственном гробу: «нет!».

Встреча с отцом происходит в голубой комнате, где он приколачивает к стене сделанную своими руками полку – эта простая, но осмысленная работа помогает ему справляться экзистенциальным одиночеством внезапно овдовевшего человека.

Но «что-то меняется в комнате. Время смещается вперед или назад – на год, два, пять, десять...». И мы понимаем, что отец для Гвидо тот человек, к которому можно прийти с любой бедой: отчислили из университета, хотел дорогой игрушкой заслониться от серьезной проблемы, решил сменить работу. Во всех этих случаях нужны деньги. Отец проверяет (в одном месте даже своеобразно тестирует) сына в том, насколько это жизненно важно для него. В итоге он даёт денег вдвое больше, но даёт их не на забаву и развлечение (о чём шла речь в начале встречи), а на рост и развитие (к чему пришли в результате общения, и этот совместный интеллектуальный продукт стоит намного дороже денег). Так же поступают все старшие в семье (включая Гвидо), когда кто-то младший делает шаги в сторону совершенствования себя как личности.

Дочь Гвидо – представитель третьего поколения этой творчески одарённой семьи. Мария частично повторяет путь отца, прокладывая при этом собственную тугую стёжку в направлении собственного развития и самопознания. Подхваченные ветром времени жизненные случаи одного героя вдруг проливаются схожим эпизодом в жизни другого... Так обозначается таинственная и невидимая взаимосвязь судеб рода. Обращусь за помощью к Берту Хеллингеру. В своей книге, посвящённой базовым положениям системной психотерапии (4), он приводит удивительно подходящие к нашему случаю стихи Конрада Фердинанда Майера, которые могут послужить метафорой отношений братья-и-давать между родителями и детьми: сверху вниз, сверху вниз, а не наоборот...

Римский фонтан

Струя взлетает, падает и наполняет
круг чаши мраморной;
и вытекающей водой
ее словно вуалью одевает,
и продолжает бег на дно второй;
вторая чаша третьей отдает,
сверх меры насыщаясь,
и каждая дает и каждая берет,
в потоке и покое оставаясь.

Далее он комментирует это: «Кто дает, тот вправе давать, поскольку до этого он брал, а кто берет, тот вправе брать, поскольку позже он тоже будет давать. Вошедший в группу раньше должен давать больше, так как и взял он уже больше, а тот, кто приходит позже, должен, в свою очередь, больше брать. Однако и он, когда возьмет достаточно, потом будет давать идущим вслед за ним. Таким образом, все, дают ли они сейчас или берут, подчиняются одному порядку и следуют одному закону».

И ещё мастер часто повторяет: «Только когда мы начинаем действовать, мы работаем все-рвез». Герой пьесы Николая Халезина проявляет действенную заинтересованность в своей жизни. Несмотря на то, что он порой впадает в отчаяние, не принимает во внимание силу ограничений, не готов чем-то пожертвовать ради поставленной цели, он всё же относится к своей жизни как к искусству жить.

Но вот приходит в его жизни момент, когда нужно применить искусство умирать. То есть принять «без озлобления» неизбежность смерти, не поддаваться панике, смело оглянуться назад лишь для того, чтобы подвести итог достойно пройденному пути и быть (насколько это возможно) готовым к неизвестному. Снова встречается герой с Ангелом и с решимостью говорит: «Я пришёл». Но это пришествие уже иного рода. Жизнь во времени приблизилась к самому дальнему пределу, где предстоит самая сокровенная встреча с самим собой, чтобы честно взглянуть на весь жизненный спектр и выявить его изначальную суть белого светового луча, с которого всё начиналось:

Гвидо. Привет. Я пришел.

Ангел. Простите?

Гвидо. Пришел я, говорю.

Ангел. А-а, привет, Гвидо. Пришел, значит?(Гвидо присаживается рядом с Ангелом и смотрит в зал).

Ангел. Ну, как тебе?

Гвидо. Что ты имеешь в виду?

Ангел. Да вообще.

Гвидо. «Вообще» – хорошо.

Ангел. Понравилось?

Гвидо. Что именно?

Ангел. Все.

Гвидо. По-разному... Что-то понравилось, что-то – нет.

Ангел. Что понравилось?

Гвидо. Спагетти понравились... с сыром. На машине понравилось ехать поздно вечером по пустынному шоссе. Еще понравилось купаться в море на закате... и на восходе тоже. (Пауза) Сок свежесжатый очень понравился, особенно киви с апельсином. (Пауза) Вспомнил: понравилось в ванной сидеть с женой, чтобы много пены... и рассуждать на философские темы.... (Пауза)

Ангел. А что не понравилось?

Гвидо. Надо подумать....

Ангел. А про то, что понравилось, думать не надо было?

Гвидо. Когда про негатив говоришь – ответственность вырастает безгранично...

Не буду говорить, что не понравилось нашему герою, чтобы у читающего эти строки ещё осталось какое-то желание найти пьесу или посмотреть спектакль. Мне думается, что и одно, и второе может быть терапевтичным, продвинет к осознанию того, что называется жить во времени, то есть, как говорит Э. Ван Дорцен «...отыскать в себе те вещи, которые, согласно старой поговорке, можно просить у Бога:

спокойствие принять то, что невозможно изменить,
мужество изменить то, что возможно, и, наконец,
мудрость – чтобы отличить одно от другого» (курвив мой, И.В.) (2)

ДЕЙСТВИЕ □ В □ ЖИЗНИ

*Только когда мы начинаем действовать,
мы работаем все-рвез.*

□□□□□□□□□□ (Берт Хеллингер)

Вот с этим материалом и работала наша группа слушателей МИЭК. К премьере мы готовились три месяца, но её дата постоянно отодвигалась, так что с какого-то момента, по-моему, собственно выступление перед зрителями нас уже перестало интересовать. За это время состоялось множество запланированных, а чаще спонтанных репетиций, которые были настолько значимы, что это само по себе было ценно. Они представляли из себя миниатюрные терапевтические встречи, на которых каждый из участников делал собственные открытия, смотрел на свою жизнь сквозь призму предложенного повествования. Состав участников также менялся. Это было полезно для нас, так как каждое новое прочтение приносило иные интонации, по-другому расставленные акценты, расширяя и высвечивая картину жизни.

Частенько на репетиции заглядывали «свежие» люди со своими взглядами, предложениями, и это тоже помогало нам продвигаться вперёд. Иногда мы буквально затыгивали на встречи тех, кто мог бы подойти для спектакля. Но в театре, как и в жизни, – острая нехватка мужчин, готовых принять на себя ответственность... Приглашаемые потенциальные отцы отчаянно отрекались от своего гипотетического отцовства, а что из этого вышло вы можете увидеть в программке.

Тем ценнее и значительнее тот факт, что исполнитель главной роли Александр Яланский (Гвидо) появился на первой же репетиции и мужественно прошёл со своим героем весь путь, неимоверными усилиями выкраивая время для репетиций, так как на него ложилась громадная нагрузка – он был ведущим во всех семи сценах спектакля. Кроме того, он проявил себя как хороший организатор: находил место для репетиций, а одна из мартовских встреч завершилась сюрпризом для женщин – он всем преподнёс цветы. Нашёл время, не забыл, сделал это красиво. Словом, в пьесе и в жизни – это человек творческий.

И если к премьере в Ростове-на-Дону мы готовились несколько месяцев, то к спектаклю в Мариуполе (с новым составом) в походных условиях загородной экзистенциальной Встречи – всего несколько часов. Каждый артист нашёл среди участников Первого экзистенциального фестиваля человека, который, по его мнению, подходил для этой роли. Так после непродолжительных «родительских» наставлений и уроков актёрского мастерства был сделан запуск нового спектакля (скорее, конечно, литературного чтения в аскетических декорациях, но с неизменной распашонкой в начале). Успех этого спектакля превзошёл все наши ожидания. Надо отдать должное тому, что и актёры, и зрители были людьми, имеющими хорошие навыки интенсивной рефлексии по поводу взаимодействий с миром, с людьми и с собой.

Мой рассказ о нашем опыте создания экзистенциального театра был бы неполным, если бы у читателя не было возможности услышать живые отклики от участников события. К сожалению, некоторые из них «здесь и сейчас» оказались недостижимыми для связи, но даже этим своим отсутствием они помогают нам понять, что не все наши жизненные ожидания бывают на 100% осуществимыми. Кроме того, благодаря этому

обстоятельству остаётся простор для ваших собственных действий, и если у вас будут серьёзные намерения, то вы, я уверена, найдёте тех, кто вам нужен. Послушайте (в хронологическом порядке) голоса первопроходцев.

Все отвечали на вопрос: Как я пришёл (пришла) в театр к своему герою, и как этот герой вошёл в мою жизнь?

Анна Кондратова (Ангел): □ □ □

Роль Ангела. Для меня была желанной ролью. Когда читали список героев пьесы, то я сразу почувствовала, что Ангел мой герой. Не знаю почему, но - мой. Странно так, когда Вера пригласила в театр, я с радостью согласилась, и мне было по большому счету все равно, что за пьеса, и о чем она. Я просто хотела почувствовать себя через какую-то интересную роль. Да и вообще, смогу ли я что-то выразительное сыграть? Так я пришла. Почему Ангел... потому что тогда была ребенком, сейчас я тоже ребенок, но повзрослевший.

Сейчас мне ближе роль раненого Ангела, но такой в пьесе нет, зато есть в жизни. Долго шила костюм. В то время я готовилась к госэкзаменам, диплому в университете, и когда нервы были на пределе, я все бросала и садилась шить себе крылья. Так необычно – самой себе шить крылья. Отец помогал мне в этом. Когда шила было какое-то незнакомое новое состояние. «Никто никому не дает готовые крылья, просто так, ты сама должна их сделать, заслужить», – крутилась в моей голове мысль. Потом белые ленты пришивала к крыльям. Красиво. А когда крылья были готовы, то с радостью их надевала и бегала с весельем по комнатам дома своего. Крутилась перед зеркалом. Полу игра.

Многие из театра мне говорили: «Ты - Ангел. Тебе и играть не надо». Мне было неловко, смешно, лестно... хотелось оправдать надежды людей. Я потихоньку вживалась в роль, я стала понимать, что, значит быть хранителем человека – это мучительно, т.к. зачастую ты просто присутствуешь, но сделать ничего не в состоянии, можешь лишь просить о спасении своего человека. Но зато, когда твой человек счастлив, то Ангел счастлив за двоих. Ангел полон любви и добра. Он имеет возраст и сам тоже учится жить, иногда делает ошибки. Я так полагаю. Хотя вы можете сказать: «Можно подумать, она общалась с Ангелом», - и будете правы. Ни с кем я не общалась. Это лишь мой опыт.

Каждый раз я играла по-разному. А в последний раз надеть крылья на свои плечи я посчитала недостойным. Так и висят мои белые пушистые крылья на стене, в моей желтой комнате с зелеными занавесками, а рядом висит белый балахон. Наверно эти крылья я уже не надену. Слишком тяжела ноша. Ведь я не Ангел.

Когда я начинала играть эту роль, то тогда не была воцерковленным человеком, наверно, поэтому для меня это было просто игра. Но прошло время, и сейчас это не игра. Я пришла в церковь и поняла, что роль Ангела - это ответственность. После этого я стала каждый спектакль проживать, жить с каждым героем. Я просто

чувствовала, когда какому-то герою радостно, а когда больно, тяжело и ему нужна моя поддержка и я стояла рядом, держала его за руку, плечо, я со-переживала. Порой, у меня подымалась температура, и после спектакля я вся горела, а как иначе?

Особенно интересно было, когда главный герой общался с душой матери, когда та уже умерла. Как будто в другом пространстве, в моем бестелесном пространстве происходило общение двух душ из разных измерений, как будто это граница двух миров и только на этой границе они могут встретиться и поговорить, а Ангел – свидетель и хранитель границы, за которую ни тот, ни другой не ступит раньше положенного срока. Наверно это какой-то бред. Хотя все так и было.

От первой встречи с пьесой и до последнего спектакля прошло много времени и в моей жизни много чего произошло (ребячество, сильная любовь, непонимание, боль, разочарование, слезы, опустошенность, опять боль, предательство, прощение, вера, любовь, Бог, благодать, спокойствие, страх, неверие, безысходность, бессмысленность, вера, спокойствие, боль, осмысленность, наполненность, смысл, МОЛИТВА, Жизнь. И еще где-то между этим были марафон, бег и ПРОРЫВ).

Я изменилась, но что-то осталось прежнее, остался опыт. Не знаю, связаны ли все изменения с ролью Ангела, но она была в моей жизни и я этому рада. Я рада всему (даже жуткой боли), что было и что будет в моей жизни. Я думаю, эта роль мне досталась не случайно. В моем мире не хватало духовности, и через роль я поняла, что велика во мне потребность в священном, в общении с Богом.

Я долго искала свой внутренний стержень, пыталась ответить на вопросы: «Кто Я?», «Зачем Я?» и осознала, что духовность и есть мой стержень, без него меня просто НЕТ. А после я прочувствовала, что стержень мой хлипкок, и мне нужно его выстраивать (крупница за крупницей) не один год: каждый день, каждую минуту, порой некоторые части рушатся, и надо опять строить, а некоторые держатся крепко... Так что, до Ангела мне не добраться... хотя бы Человеком стать. Вот такая странная история про меня и про мою роль АнгелА, которая, уже в прошлом, за закрытой дверью.

Ирина Власенко (Мама):

Мне очень хотелось, чтобы пьеса Николая Халезина была поставлена, хоть я и сожалела, что в ней нет для меня роли. Но на репетицию пришла, чтобы услышать текст в живом прочтении, и мне сразу предложили роль... матери. Как же я её для себя не увидела? Мне казалось, что там, в пьесе, совсем молодая женщина, а у меня уже взрослые самостоятельные дети. На самом деле там разная женщина: «Время смещается вперед или назад – на год, два, пять, десять...». Я не увидела себя нигде. Есть ли у меня способность жить во времени? Я опережаю его? Отстаю? А что происходит с моим женским началом? Стоит подумать...

Я не увидела себя и в роли бабушки (мать Гвидо – ведь это бабушка его дочери Марии). С возрастом здесь всё нормально, но у меня нет опыта быть бабушкой. Хотя

есть детская, совершенно невероятная для пятилетнего ребёнка мечта... Когда любопытствующие взрослые спрашивали, кем я хочу быть во взрослой жизни, я тотчас отвечала: «Бабушкой», - и не понимала, что в этом смешного. Бабушка, у которой я воспитывалась с младенчества, была для меня абсолютным и совершеннейшим идеалом взрослого человека. В конце концов, я приняла этот неизменный смех за неверие в то, что я тоже могу быть хорошей, и... затаилась. Затаилась тогда, но открылась теперь, и получила в подарок эту роль. Домой я летела на крыльях, хотя это полагалось делать совсем другому персонажу из пьесы...

Не могу сказать, что мир этой женщины очень близок мне, но некоторые эпизоды трогали меня до слёз (например, когда душа матери утешает сына о неизбежной потере). Однако меня раздражало то, что моя героиня слишком ориентирована на мнение окружающих: «что скажет Марья Алексевна» на то, что у моего мужа брюки не выглажены или на то, что мой сын встречается с женщиной старше себя по возрасту? «Я оглянулся посмотреть, не оглянулась ли она, чтоб посмотреть, не оглянулся ли я?» Очень запутано. Но разве это всё не обо мне, десятилетней давности? Значит, есть откуда черпать актёрское мастерство.

Мне нравилось, как работает со своей ролью Александр, как он прорастает сквозь все диалоги, становясь всё более - не мальчиком, но мужем. Как органична для Веры роль любимой, с какой нежностью она прижимает она к себе распашонку – мечту о ребёнке. Не было на репетиции Семёна Борисовича, но роль отца в этой пьесе я бы сразу предложила именно ему. Будь я мужчиной, я сама бы её сыграла – она мне ближе, чем моя женская роль. Хочется быть таким мудрым, понимающим, творческим человеком.

Сейчас я испытываю радость оттого, что дело, задуманное нами, состоялось, несмотря на многие причины, почему этого могло не быть. Я навсегда запомню эти несколько месяцев весны-лета-осени-зимы, потому что в моей личной судьбе произошли важные изменения. Всё это время готовился к рождению мой первый внук, чтобы, наконец, 6 декабря 2007 за-явить о себе: «Я пришёл!». В подарок от меня Андрюша получил азбуку Зайцева и распашонку из театрального реквизита.

Алексей Большанин (Франк, друг):

В пьесу эту я попал совершенно случайно... Знаю, знаю, вы сейчас скажете, что случайностей в нашей жизни не бывает; все, что с нами сбывается – все закономерно и нам зачем-то нужно и т.д. и т.п. Я полностью с этим согласен, однако в этом случае мне действительно трудно что-либо дельное придумать по этому поводу.

Начнем с того, что участником сего мероприятия я стал в день премьеры, совершенно не зная ни сюжета, ни предложенной мне роли, ни, разумеется, своих слов. А согласился я участвовать при всех этих условиях всего по двум причинам: меня очень попросили главные его вдохновители (Вера, Ирина Ивановна и Аня), к которым я отношусь с большим уважением, ну и моя врожденная склонность к авантюризму и

приключениям.

В итоге, в перерывах между занятиями я вскользь ознакомился с сюжетом своей сцены, с характером моего героя (друга, даже не помню: было ли у меня имя?) Ну а после занятий я оказался на сцене. Безусловно, мне пришлось пользоваться услугами суфлера, ну и напропалую импровизировать, конечно. В связи с этим, я не могу ничего интересного рассказать и о своих чувствах на сцене – все мое внимание было сосредоточено исключительно на технической составляющей этого процесса: услышать и понять, что мне говорит суфлер, следить за тем, чтобы своими спичами не выбиваться из диалога и общей композиции пьесы.

Если говорить о роли, о характере моего героя, то для меня она опоздала лет на пять-семь, поэтому каких-либо открытий или откровений мне она, к сожалению, не принесла. Хотя, справедливости ради, хочу отметить, что раньше эта тема мне была очень близка и интересна. Именно поэтому мне достаточно легко было подобрать на эту роль молодого человека в Мариуполе (если я не ошибаюсь, его звали Виталий), который, на мой взгляд, здорово с ней справился. Более того, в конце фестиваля он даже поблагодарил меня за то, что я выбрал на эту роль именно его. Думается, что нужно сказать пару слов и о самой пьесе. Не хочется по этому поводу философствовать и критиканствовать, поэтому скажу очень коротко и просто: это - жизнь, а потому - интересна, интригующа, глубока и непредсказуема! Даже при повторном просмотре.

Вера Дмитренко (Доминик, любимая):

Текст пьесы попал ко мне так. Семен Борисович прислал мне его со словами: «Мне его прислали примерно год назад, а я только прочел. Прочтите Вы». Пьеса сразу меня покорила. Своей человечностью, простотой и в тоже время глубиной. Я как-то сразу в нее влюбилась. Нет, точнее полюбила ее, и, делаясь своим ощущением от прочитанной пьесы, спросила Семена Борисовича: «А не поставит ли нам ее силами нашего института?» «Поставить», – был его ответ. Вначале я не думала о том, чтобы сыграть самой какую-то роль, это было просто желание собрать актеров, вдохнуть в текст, изложенный на бумаге, живую силу человеческой речи. Помню нашу первую встречу в публичной библиотеке, первое чтение текста. На одну из ролей я пригласила свою клиентку. Помню, как она волновалась, и я вместе с ней, но опыт оказался удачным, и участие в постановке для нас обеих было полезно.

Моя роль пришла ко мне сама. Это не я ее выбирала, а она меня. Роль Доминик, любимой Гвидо, с одной стороны такая родная для меня и привычная (многие реплики будто бы списаны с моей жизни), а с другой – возможность нового опыта. А точнее не опыта, а возможности голосом Доминик сказать своему любимому важные для меня слова. Самой ролью Доминик обратиться к любимому своим женским сердцем. И не просто сказать, обратиться, но еще и получить долгожданный ответ.

На репетицию Ирина Ивановна как-то принесла детскую рубашечку (распашонку). Я взяла ее в руки и долго не выпускала. Я представляла ее на малыше,

мысленно держала его на руках, прижимала к себе, и что-то внутри меня наполняло меня силой, решимостью и желанием стать мамой еще раз. У Доминик есть реплики, обращенные к Гвидо: «Мне уже 36, скоро о втором ребенке и речи быть не может, ты не хочешь второго ребенка?». А ведь мне действительно 36, и времени мало, и муж не хочет второго ребенка. А так много осталось материнского тепла, не отданного детям, столько колыбельных еще не спето. Не знаю, как это получается у мужчин-авторов, но как же точно они понимают и выражают те женские чувства, которые живут в наших сердцах. Для меня это оказался один из самых дорогих моментов пьесы. Может быть, собственное желание иметь второго ребенка, не осуществленное в жизни, нашло свое воплощение в роли Доминик. Гвидо соглашается на второго ребенка, и радость Доминик становится и моей радостью.

Ещё раз моя героиня вошла в мою жизнь во время Первого экзистенциального фестиваля «Южная Экзистенциальная Осень-2007» в Мариуполе. Мы передавали свои роли участникам нашего фестиваля, у которых было на подготовку всего несколько часов. Я нашла свою «сестру», молодую Доминик, среди участников моей терапевтической группы «Там, где живет любовь», и она смогла воплотить в своей роли то, что не удалось сделать мне. Я смотрела на нее и искренне радовалась ее вере и любви, ее состраданию и нежности. Радовалась и восхищалась той мудрой женской силой и слабостью, которая и делает женщину женщиной. Вторая встреча с пьесой во время фестиваля стала моим вторым открытием, я плакала и смеялась вместе со зрителями, и переживала вместе с актерами.

Семён Есельсон (Папа):

К своему герою я не приходил – меня к нему буквально втащили. Сказали: «Вот всё, вот текст, вот сцена, сейчас будете читать слова отца. Отца все равно искали – искали и не нашли». Я себе в роли отца страшно не нравился - обижался на сына, читал умно-занудные нотации, а потом все равно дал просимые деньги. Сейчас, по прошествию времени, понимаю, что это всё - правда, но только один её срез. Хочется правды другой, той, что светила мне через житие Илии – Пророка, через его взаимоотношения с Богом -отцом, через веру в сына и терпение-ожидание.

ЗА КУЛИСАМИ...

Мне уже почти нечего добавить к сказанному. Я благодарна всем участникам за то, что они выразили готовность и приняли участие в этом нашем совместном рассказе о рождении нового экзистенциального театра. Я хочу утешить тех, чьи послания не дошли до меня – передаю вам эстафету и прошу быть готовыми к рассказу о нашем втором спектакле. Я благодарна также нескольким любимым книгам, которые всегда у меня под рукой и помогают выразить то, что я не в состоянии сделать сама. Воспользуюсь напоследок одной из них. В одном месте Эмми Ван Дорцен говорит о работе экзистенциального терапевта и клиента слова, которые, как мне кажется, можно отнести и к совместной работе актёра и зрителя в экзистенциальном театре. Когда

они, совместно погружаясь в эту, «полную всего на свете жизнь» не раз вспомнят о том, что «земля – место между адом и раем, где приходится испытать и боль и радость, и где небольшая толика мудрости может всё изменить» (5) .

20 марта 2008 г.

P.S.

1. Как это похоже на мои взаимоотношения с детьми. Я о чём-то прошу, настаиваю, снова прошу. Ну, всё, не получается. Отстраняюсь. И вдруг ... Но теперь уже не знаешь, что с этим делать...

2. Шлю информацию о статье Александру Яланскому (Гвидо, в пьесе я его мама). Он занят. Цейтнот. Нужно время для размышлений. Нет времени. Шлю SMS, подвигаем сроки, не работает почта. Ну, всё, не получается...Отстраняюсь. И вдруг... Вхожу в Internet, чтобы отправить готовую статью... и вижу... 4 одинаковых письма от Александра. Считаю очень ценным то, что он прислал, но куда это теперь вместить внутрь? Прикрепляю как самостоятельный текст. И будь, что будет.

Как я играл самого себя

Предложение сыграть в пьесе, которую ставили слушатели Института экзистенциального консультирования я воспринял весьма тускло. Театр. Игра воображения, полет чувств, психологизм сюжета и взаимоотношений актеров. Я к этому не был готов совершенно. Не был готов прежде всего физиологически. Давала о себе знать ранневесенняя хандра и куча незаконченных гештальтов. Невозможность отказа от участия была предопределена на каком-то более глубоком, чем просто рациональный уровне сознания. Может быть, тайные мечты или доверие к тому, что подкидывает судьба. Были еще уважение к людям, с которыми был знаком последние несколько месяцев, и которым хотелось доверять. К тому же это были не просто люди. Все будущие актеры были женщины. А среди них я один. Не имею достаточных оснований хвастаться, но форму сделанного мне предложения можно было интерпретировать и так, что «если ты откажешься, мы ничего не сможем сделать». По крайней мере, где-то глубоко было такое ощущение. Странные чувства. С одной стороны многих из них я просто уважал, с другой был намерен проявить простое снисхождение – «женская блажь».

Соглашаясь, на всякий случай предупредил: « У меня много работы, поэтому полной отдачи не обещаю». Выбора не было. Начали работать «как получается».

По-моему, люди, склонные осуществлять какую-то общественную работу (по старому – нагрузку), если это делается бескорыстно, - самые ценные, самые развитые в социальном, психологическом и моральном плане. К сожалению механизма их

справедливого вознаграждения никто не знает. Но они заслуживают награды и всяческого поощрения.

Я не знаю толком, кто выбирал пьесу, видел как люди оставляли семьи, погружались в то, чтобы придумать детали костюмов, интерьера для постановки, словом реально жил постановкой, пьесой, ролью. Я наблюдал это почти со стороны. Наблюдал и тайно восхищался, наблюдал и радовался, наблюдал и просто получал удовольствие от того, что делали другие. Сейчас, когда прошел почти год, можно уверенно сказать, что многие из нас были счастливы, работая над своими образами, работая с партнерами. Большое видится на расстоянии.

Моя роль – главная. Эта пьеса о моем герое и все, что с ним должно было происходить, я должен был как-то сыграть.

Я и Гвидо.

Когда мы только знакомились с пьесой, организаторы говорили, что этот же спектакль ставят в Табакерке, а Гвидо играет Александр Абдулов (или Олег Янковский ???). Моя реакция была неоднозначна. С одной стороны я чувствовал себя чуть ли не свидетелем, нет – участником культурной революции (это все после нескольких прошедших тогда по ТВ фильмов и интервью с Олегом Табаковым). С другой стороны было ощущение, что я – Эллочка Людоедка, ведущая заочное соревнование с женой миллиардера. К счастью, образ Элочки не закрепился в моем сознании. Видимо я просто не нашел среди тех, кто работал над спектаклем никого похожего на Бендера. Я решил не терзаться, раздвояя или растрояя свое сознание, а просто отдаться процессу в той степени, в какой я могу.

Гвидо, как образ среднестатистического представителя довольно успешной части современного общества, показан во взаимоотношениях со своей матерью, женой, дочерью, отцом и другом. Контекстом служат сцены его общения с ангелом, предваряющие рождение и венчающие послесмертие. Все эти сцены характеризуют наиболее важные для человека аспекты его взаимоотношений в этом земном мире. Так автор показывает содержание, итог и ценность нашей жизни, дел и забот, которыми мы увлечены.

Могу сказать, что если бы я в реальной жизни прожил так бы как Гвидо и завершил бы свой земной путь также, я мог бы, должен был бы считать себя счастливым. Человеческая ситуация. Ничего больше. Ни больше, ни меньше. Все на своем месте. Все получилось, все смогло. Гвидо любили и мать, и отец, и жена, и дочь, и друг. Ангел постоянно с ним, но делает только то, что может. Человеческая ситуация.

А может у меня все также? Есть и родители, и родственники, и друзья, которые любят. Есть работа. Все есть для счастья. А сказать, что счастлив, не могу. А может это просто моя глупость, элементарная зависть и неблагодарность Творцу? Я не знаю... Человеческая ситуация. Я понимаю только то, что так и не пережил все как Гвидо.

Я-Гвидо и его мама

Глупое чувство. Понимаешь всю ценность самого близкого для себя человека и не ценишь того времени, что мы вместе. Ценен, значим только момент неизбежно предстоящего общения, когда ты еще здесь, а она – уже там. Мертвые чувства. Если бы я прожил как Гвидо, я был бы счастлив.

Я-Гвидо и его жена О, мои проблемы с женщинами!!!

В своей статье автор утверждает: если идея плодотворна, то она осеняет одновременно несколько умов, а вопрос её материализации – лишь дело времени. Так в МИЭК (Международном Институте Экзистенциального Консультирования) родился Экзистенциальный Театр.

Key words:

Existential theatre,
Nikolaj Khalezin, “I am here” (“I have come”),
theme of destiny and self-definition of a man,
theatre occasion.

Экзистенциальный театр,
Николай Халезин, «Я пришёл»,
тема судьбы и самоопределения,
театральное событие.